

Юрий Крупнов: Уважаемые коллеги! Добрый день. Меня зовут Крупнов Юрий Васильевич. Мы начинаем круглый стол №12 Московского экономического форума. Название круглого стола: «Территория: как осуществить и осуществлять пространственное развитие, чтобы видеть результат уже через пять лет». Краткое вступительное слово я скажу. Затем попрошу Александра Сергеевича Кривога выступить. И дальше буду объявлять выступающих.

Ну первый момент. Я считаю, что наше пространство, наше российское, русско-российское пространство — это колоссальный ресурс и главный ресурс. Почему? И даже не люди, а пространство. Потому что пространство — это самые лучшие люди, правильно расставленные по территории для решения самых важных задач. То есть в этом смысле пространство — это не просто география, это специальная организация и реорганизация на территории для того, чтобы миссию России в XXI веке на основе нашей тысячелетней и более государственности двигать, продолжать ее достойно. И в этом смысле пространственное развитие — это очень и сложный объект, с точки зрения междисциплинарной научности, а с другой стороны, это наш геополитический основной ресурс. Поэтому все те, кто плачут, что у нас большое пространство, мне кажется, они не понимают этого. У нас не просто большое пространство. У нас, как сказал Владимир Владимирович Путин очень правильно, я здесь его полностью поддерживаю, у России вообще нет границ.

У нас страна без границ, и мы сегодня, по сути, будем говорить об организации пространства, реорганизации пространства, с точки зрения, если хотите, планетарной России. Потому что мы должны присутствовать везде в мире. И даже самая внутренняя точка Российской Федерации, она, безусловно, сегодня не может оставаться в изолированном состоянии, она должна понимать свой маневр в нашем новом, совершенно беспокойном и неорганизованном мире. Это первый момент. Я, по крайней мере, буду эту мысль проводить.

Второй момент. Основная задача в ближайшие 20-30 лет — это тотальное переосвоение нашей великой территории для того, чтобы организовать то пространство, которое определяет Россию как мировую державу и убирает все вопросы ее несuverенности по экономическим и другим основаниям. Соответственно, я здесь хотел бы что прежде всего услышать сегодня, другое дело, мы, естественно, никак не можем программировать наших спикеров. И, кстати, наши спикеры здесь большая часть архитекторы, и смотрите, они всё переорганизовали пространство в начале, соответственно, нашего круглого стола. Здесь должно было стоять два вот этих белых замечательных кресла, соответственно, всё вышло по-другому, и я очень рад этому. Мне кажется, в этом именно призвание архитектора — переорганизовывать пространство в наиболее правильном направлении. И вот видите, уже с этого прям мы здесь теперь начали наше пространство, пусть пока небольшое, переорганизовывать.

Как я вижу, должно быть устроено наше пространство? Первый пункт: если говорить совсем просто, это то, что мы должны выделить, пояса и обручи, если хотите, развития, почти

скрепы, которые бы задавали и безопасность нашей страны, а с другой стороны, профили и фарватеры опережающего развития страны. И я надеюсь, мы сегодня такие пояса будем сегодня выделять. С моей точки зрения, пояс номер один — совершенно непривычный и непонятный почти никому — это соединить Северный Ледовитый океан с Индийским океаном. И создать такой Северноледовито-Индийский пояс развития, примерно по 73-му меридиану. Как один замечательный депутат Челябинской областной думы Захаров сказал, от Сабетты до Карачи. И вот это наша базовая скрепа: здесь нужно организовывать развитие — и на основе Иртыши и Оби, и на основе всех других возможностей, но нам нужно выходить, не боясь, в Индийский океан, это и есть большая Евразия, с моей точки зрения.

Другие пояса обозначат здесь выступающие спикеры, но нам нужно всю страну, нашу огромную страну, представить как такие приоритетные, если хотите, не просто такие проекции и направляющие развития, но и вот эти выделенные пояса и коридоры развития.

Я так вижу. И второй момент. В этот главный пояс развития, который должен стягивать Северный Ледовитый океан и, соответственно, Индийский океан, и готов это подробно обосновывать, и будет время, буду здесь обосновывать, но есть соответствующие доклады, работы, можно найти это все в интернете. И с моей точки зрения, туда именно, примерно в район Омска нужно переносить столицу России для того, чтобы кардинально поменять всю геометрию и архитектуру нашего российского пространства.

На этом я вступительное слово заканчиваю. У нас очень жесткий регламент, очень много коллег, которые обязательно должны выступить сегодня. Может быть, там несколько минут будет потом вопросы и какие-то замечания в конце у собравшихся на нашем круглом столе. Поэтому всех попрошу придерживаться регламента. И давайте, я предлагаю в проектном абсолютно ключе работать, обосновывать, давать анализ ситуации — это важно, но, в принципе, это вторично. Сначала нужно давать проектную идею, потому что именно проектные идеи нужны сегодня стране, а поскольку все всё обсуждают, плачут, радуются, замечательно всё, но очень мало идей либо они скрыты и маргинализируются специально для того, чтобы не выходить на большую, огромную работу. Первым кого попрошу выступить, Александр Сергеевич Кривов, мой старший товарищ и друг, человек, который и имеет колоссальный опыт государственной работы, Госкомитет строительства СССР, Госкомитет строительства и Министерство строительства Российской Федерации после 1991 года, но прежде всего я рассматриваю его как визионера и идеолога развития страны именно через привязку к территории, к конкретным преобразованиям, ну и прекрасный архитектор. Можно долго про него говорить, но попрошу Александра Сергеевича рассказать, как он видит наше пространство, основные действия, что надо делать. У вас есть, да, микрофон?

Александр Кривов: Ну я постараюсь уложиться коротко. Достаточно это, с другой стороны, время — 10 минут. Мне, собственно, нужно вдвинуть или провозгласить сегодня, ну даже я бы сказал, в таком торжественном немножко тоне такую новую, действительно,

идеологию в градостроительстве. Дело всё в том, что формально предметностью пространственной организацией занимается именно градостроительство. То есть некой имперской, что ли, функцией организации пространства принадлежащей тебе части планеты, то есть нашего государства, является градостроительство. И других форм планирования и проектирования, связанных с территорией, просто нету. Они отсутствуют. В этом смысле концепция пространственного развития, выполненная, скажем, с точки зрения ведомства министерства экономики, это есть межрегиональное взаимодействие, а с точки зрения, например, взаимодействия или организации планировочной всей страны — это генеральная схема расселения, сделанная в градостроительной предметности. И в 1992, 1993, 1995 году мы делали генеральную схему расселения, я руководил этой работой, мы за нее даже Госпремию получили в то время, потому что она давала какие-то ориентиры того, какой все-таки, каким содержать пространство Российской Федерации.

Но сегодня я хочу сказать о другом немного. О том, что настало время — и это входит, кстати, в последующее определение — просто заявить о необходимости новейшей градостроительной политики Российской Федерации. Новейшей градостроительной доктрины. Новейшей градостроительной дисциплины такой. Новейшее градостроительство нужно, которое в некотором смысле отрицает даже и отбрасывает то, что сложилось на сегодняшний момент, потому что у нас несколько тенденций являются не просто как бы ненужными, вредными, они являются глубоко опасными и токсичными для существования государства.

Я потом, если будет время, могу назвать эти тенденции, они действительно очень опасны. И созрела — вот я называю это «новейшая градостроительная политики России» или «новейшее градостроительство российское» — он включает в себя три последовательных лозунга. Это время, время подошло и время больше не терпит. Миссия, зачем это нужно и как это нужно делать, и почему это нужно делать — миссия. И результат, то есть на что мы должны рассчитывать, как то, что мы можем сделать в рамках не только пяти лет, а в первые пять лет, что мы должны сделать. И потом — чтобы мы видели, а что мы имеем в виду через 100 лет. То есть эти пять лет должны включать так или иначе в себя вот эту точку видения на 100 лет вперед.

И мне кажется, что вот эти моменты нужно пояснить через вот эти входящие, что ли, элементы. Время. Ну время подошло — это не просто так, даже это как бы не критики, от которой нас просили воздержаться, не критика. Дело всё в том, что мы существуем по старым прописям середины XX века, которые употреблялись у нас, а на самом деле относящиеся к началу XX века. И она до сих пор — вот эта вот идеология вот таких крупных городов, нарастающих, и той урбанизации, которая связана с очень плотным заселением — она нарастала, нарастала и до сих пор нарастает. И мы-то не можем высказать ничего, у нас в общественном сознании не сформирована альтернативная точка зрения на то, что мы должны быть, ну скажем, условный термин может быть это надрегиональная дисперсно узловая урбанизация или какие-то еще могут быть. Но я называю это именно так.

Дисперсно узловая цивилизация и надрегиональная, потому что она на регионы не должна быть завязана, она должна быть общестрановой. То есть ее космическое измерение в рамках информационных связей, и нам нужна, с этой точки зрения, универсальная или тотальная космическая логистика информации прежде всего, свободная передача информации куда угодно — позволяет рассматривать Россию не как очень растянутый в пространстве объект, а как сконцентрированный и хорошо отрегулированный, ну я бы сказал даже, артефакт, чтобы можно было сказать. Информационный артефакт. И мы должны к этому подходить.

Дальше. Ну по времени еще очень много всего. Почему? Потому что строительство высотных домов, оно, особенно в нынешних условиях тотальной, я бы сказал, всемирной бифуркационной точки, мы не знаем, где мы будем через очень короткое время, но мы должны сделать так, чтобы остойчивость наша, не устойчивое развитие. Устойчивость — это сохранение прежнего курса, а нам нужно остойчивость, то есть способность сохранять равновесие и уравновешенность внутреннюю при изменениях многих курса и внешних воздействиях. И вот эта остойчивость, она высотным этим строительством нарушается полностью, потому что в нее не погружены психологически люди. Они не знают, что выше 16 этажа спасения нет в случае опасных чрезвычайных ситуаций. Что лифты останавливаются, лестницы будут забиты, потому что их забьют люди первых шести-семи этажей, что пожарные подняться не могут, что лестниц таких, которые... их считанные единицы на всю страну. Это надо понимать. А самое главное — это вся инфраструктура централизована таким образом, что точечные воздействия на нее могут привести к очень тяжелым результатам и последствиям. То есть вообще наступило время: осветить новую политику, новое видение, новую парадигму просто — урбанизации в России. И это тоже начинает влиять напрямую на пространственное развитие.

Ну и третий момент — это результаты, какие мы должны делать результаты. Во-первых, через пять лет, я считаю твердо, мы должны добиться более-менее ясного взгляда на то, каким нам быть через 50 лет. А потом уже начинать переходить к тому, какие организационные действия мы можем сделать сегодня для того, чтобы мы стали подходить к этому состоянию. Например, сегодня как бы экономическая проверка проводится соответствия той или иной урбанистической доктрине, траектории развития страны.

Говорят, что выше производительность труда в мегаполисах. Ну на самом деле, и это очень сомнительно, является не экономическим, а публицистическим лозунгом, скорее. А мы должны говорить, что нет, геологическая сообразность у нас должна соблюдаться и сохраняться. Кстати, вслед и в преемственность за сложившейся древней российской урбанизацией. Исторической российской урбанизации. Южная граница бореальных лесов, тянущаяся, можно сказать, по всей стране, она является основной зоной расселения, и мы должны ее поддерживать прежде всего. Да, немного южнее идет Транссиб, мы вводим несколько меридиональных жестких скреп, связывающих океан уже Северный Ледовитый

с Индийским, но у нас прежде всего гигантская парабола Северного Ледовитого океана и Тихоокеанской кромки и выход к Балтийскому морю с этой стороны.

С Балтийского дуга у нас идет от Калининграда через Минск, Смоленск, Тверь, Архангельск и на Мурманск с центром, с сердцевиной в Петербурге. Петербург, Новгород, Псков, то есть сердцевина исторической России, где мы должны развивать целый ряд таких очень важных направлений, прежде всего связанных с проектированием и интеллектуальной деятельностью, что очень важно. И ряд других вещей. То есть структурный базис новой России мы представляем. Новая технология, которая должна массово употребляться вслед за той типологии объектов, в которых мы будем создавать нашу новую урбанизацию, это, конечно, деревянное домостроение. Мы должны понимать, что у нас наши сотни миллионов леса — это есть непрерывный возобновляемый ресурс, который сегодня сгорает, то есть он сегодня не находится в окультуренной по-настоящему форме, он не культивируется. Он является диким лесом. Лес надо превратить в источник углеводов, чего хотите, калорий, в конце концов, и широкого спектра элемента. И не только минеральных, а просто питания и все боковые...

В общем у нас есть понимание и то, как мы должны делать эти технологии, и то как мы должны вот это биосоответствие проводить, что ли, которое должно полностью строиться в соответствии с социальным соответствием. А социальное соответствие у нас прежде всего должно строиться на образовании и воспитании демографии, потому что без этого возобновлять некоторый интеллектуальный... наращивать, не только возрождать, а наращивать интеллектуальный ресурс в новых технологиях, потому что для России, в отличие от шестого технологического уклада, который считается ведущим на Западе, или четвертый индустриальный уклад, нужна прежде всего опора на базовые технологии, которые идут по новым эволюционным веткам. То есть это огневые все, печные, использование древесины, пелет и чего угодно еще. Значит, возвращаясь к самому началу, я призываю вас, значит, иметь в виду то, что я попытался вам вкратце сказать, спасибо.

Юрий Крупнов: Спасибо большое, Александр Сергеевич. То есть первое... Коллеги, давайте постараемся без аплодисментов, тем более мне не было аплодисментов. Итак, я так понял Александра Сергеевича, мы все плавно после круглого стола движемся к выработке столетки развития. Вот столетка развития, помимо пятилетки развития, это наша задача. И здесь уже упоминалась стратегия пространственного развития. Я считаю, что тот коллектив, то сообщество, которое здесь присутствует — и зал, и спикеры — соответственно, это те, кто могли бы, действительно, разработать новую, полноценную, а не ту, в общем-то, не будем сейчас критиковать достаточно странную стратегию пространственного развития до 2025 года, а нужно, действительно, вообще заново вот эти все базовые основания, которые мы с вами сегодня обсуждаем положить в новую стратегию и это один из выхлопов нашего круглого стола, надеюсь, будет, что мы такое сформируем сообщество. Сейчас прошу поставить презентацию Громыко Юрия Вячеславовича. Передаю Юрию Вячеславовичу

слово. И Юрий Вячеславович, как я понимаю, все-таки пояса и обручи покажет, как они будут, какие у нас, спасибо.

Юрий Громыко: Спасибо большое. Значит, после доклада Александра Сергеевича, который целый ряд, на мой взгляд, задал и практических и, на мой взгляд, очень важных философских идей, без которых невозможно освоить российское пространство, потому что российское пространство — это основное богатство нашей страны, но с другой стороны, оно некапитализированное сокровище. И здесь возникает огромное, на мой взгляд, количество важных вопросов, но я бы сразу хотел сказать, что, мне кажется, что стратегия пространственного развития — это не только градостроительные решения. Это целый спектр еще целого ряда вопросов. Ну вот я, в частности, сейчас представляю, в том числе, коллектив по пространственной логистике Морского университета имени Невельского, которое создано, где пространственная логистика — это не транспортная логистика. Потом я достаточно плотно занимался с группой РЖД по созданию трансевразийского пояса развития. И кстати, идея пояса была раньше. То есть китайцам это слово и та и Лу Тай передал Якунин. Я просто при свидетелях, знаю как и чего.

И с этой точки зрения вот этот вопрос несколько разных массивов, которые должны быть интегрированы, мне представляется очень важным для построения такой, действительно, стратегии, которая должна быть документом, руководством высшего политического уровня. Потому что, действительно, пространство, и чтобы с пространством России будет определять ее геоэкономическую, в том числе, субъектность. И в том числе жизнь очень многих поколений. Ну при этом, мне кажется, несмотря на такую жесткую установку Юрия Васильевича в названии на пять лет — и она правильная — хотя Александр Сергеевич ее правильно перевернул, что через пять лет надо понять, что вперед 50 лет. А это означает, что, в том числе, мы должны очистить эту работу от огромного количества идолов идеологических, которыми засорено сознание тех, кто это принимает и думает.

Ну и в условиях СВО, я согласен здесь с Юрием Васильевичем, конечно, речь идет о планетарном освоении вообще пространства, о большой Евразии, как это и Владимир Владимирович Путин формулировал. Но здесь очень важно понимать, что тем самым задается совсем другая, планетарная схема освоения пространства. В свое время это очень правильно, мне представляется, выразил Ривкин: континентализация против глобализации. И я знаю целые группы людей, я знаю проектировщиков, в частности, например, в Бразилии и Аргентине, которые тоже мыслят, как организовать всю структуру Южноамериканского континента, при этом утверждают, что без союза здесь с Россией это сделать не удастся. Я знаю тех, кто так же продумывает структуру Африканского континента, и с этой точки зрения это очень важный момент — действительно понимание того, как Россия может организовать свою территорию, но одновременно континентальное пространство, поскольку именно континентализация, другой, чем глобализация, на мой взгляд, мировой процесс.

Значит, вот в свое время один из моих друзей, он, к сожалению, умер, Вячеслав Николаевич Кузнецов, говорил, что именно пространство диктует цели и миссию страны. Ну это тоже то, что сказал Александр Сергеевич. Поскольку удержать русские земли, освоенные потом и кровью наших предков и передать их следующим поколениями, а это значит — переосвоить, это означает — создать условия для капитализации этих земель, создать условия для жизни здесь следующих поколений, это важнейший момент. Поэтому для меня новая стратегия пространственного развития — это, в том числе, формируемая новая геоэкономическая субъектность страны. А это технологический суверенитет и воспроизводство полномасштабных индустрий... Я виноват, я увлекся, да.

Вот, это, в том числе, технологический суверенитет и воспроизводство полномасштабных индустрий самостоятельно, вне нишевого разделения труда, как это было до этого, в союзе с Китаем и равно им Индией. Это глобальный знаниевый проект с позиции России. И, наконец, это совершенно новая, для чего и нужна эта точно дисперсионная система организации пространства, это эпистемические производства, в том числе за рамками выделенных укладов и критических технологий, что связано и созданием новой техносферы и новых укладов жизни.

Значит, с этой точки зрения один из важнейших вопросов, который мы сегодня переживаем и про него нельзя забывать — мы, вообще, осуществляем исход из западного порядка, в который 30 лет встраивались. Это определило очень многие суеверия, в том числе управленческого класса, это надо четко понимать. Это касается и смены форм институтов, и знаний, и стандартов, и технологий, и ментальных привычек, и языка, и с этой точки зрения, мне кажется, очень интересно при размышлении про русское пространство — в свое время у Цимбурского был такой очень интересный образ: один из наиболее талантливый политологов, на мой взгляд, «Остров Россия», где он описывал, что, вообще, российское пространство было изъедено лимитрофами, которые фактически этот остров как бы захватили и зациклили. И нам, с этой точки зрения, необходим переход от острова Россия к всплывающей российской Атлантиде.

Что, на мой взгляд, самое главное? Это отказ от давления западной координаты, это восточный вектор и ось «Север — Юг», о чем Юрий Васильевич говорил, я про это еще скажу, это действительно переосвоение основного богатства страны, земель, в том числе создание условий для возобновляющегося ландшафта, это переселение страны. Здесь я просто напомню критерии Линдена Ларуша, исторической состоятельности государственного управления. Он утверждал простую вещь: что в тех точках, где происходил рост населения, рост численности населения, там было правильное государственное управление; где население шло на убыль, это совершенно неверная форма государственного управления. И с этой точки зрения нам действительно нужна, с одной стороны, организация северной каймы, нам нужна организация Транссиба с выходом на Магадан и Анадырь, и нам нужен юг, южные части, от Субета туда — к Индийскому океану. С этой точки зрения уже есть масса, в том числе одна из линий — это

индусы, которые готовы тоже организовывать и участвовать в организации этого пространства, как и китайцы.

Поэтому вопрос этого пространства — это, в том числе, вопрос новых институтов и новых форм организации. Теперь, на мой взгляд, что самое главное? Мне кажется, важнейший вопрос — про это Александр Сергеевич сказал — это отказ от агломерационного принципа самооптимизационного заполнения пространства, под который подстроен весь экономизм. От якобы экономической самооптимизации, агломеративной оптимизации, самоинициативного обживания краев мегаполиса, где происходит сгон населения с других территорий. И обратной стороной такой позиции является восстановление варварского отходничества, как предшествующей социальной архаики. Есть социологи, которые это всё описывают, радуются, как в этих вымирающих деревнях люди идут на отходы, говорят: надо же, талантливые русские мужики выживают, придумывают. Но важно понимать, что это одновременно разрастающаяся раковая опухоль, например Москвы... На мой взгляд, Москва — это форма такой наддуваемой опухоли, которая пожирает и разрушает другое пространство. Всё понятно: размышления экономистов, уважаемого мэра Москвы, которые говорят: ну как? Это генерит больше миллиарда, так сказать, в год. А что вы хотите предложить?

Но при этом очень важно, что происходит фрагментация огромных полей Нечерноземья, Сибири, Дальнего Востока, поскольку остановить бегство с Дальнего Востока так и не удалось. И поэтому важнейший вопрос — это модель неоиндустриальной урбанизации в самовосстанавливающемся ландшафте. Но при этом для меня — если обсуждать вот так вот в лоб: а что должно из себя представлять пространство — это три вопроса одновременно, которые надо будет обсуждать. Это размещение новых производительных, неоиндустриальных сил, то есть прежде всего экономики знаний и материализации знаний в их системы, в новых формах производства. Это новые системы расселений и поселений. И наконец, это эффективная мультиинфраструктура, потому что нам необходимо соединять мультимодальный транспорт, энергетику, водные ресурсы, телекоммуникации на единой цифровой платформе. И это означает, что это должно удерживаться одновременно.

Значит, ну и если осуществить как бы такой охват, огляд, то мы фактически видим несколько огромных таких тяжей, направлений, которые должны быть освоены.

Ну на мой взгляд, совершенно новый вызов — это восстановление традиционных русских территорий на западе страны, поскольку Донецк, Юзовка — это цивилизационное ядро в свое время индустриализации имперской России. И здесь нужен новый тип урбанизации, и он здесь должен быть предложен. Должна быть заложена другая модель урбанизации для Дальнего Востока, которая тесно должна быть связана с размещением производительных сил за рамками ресурсодобывающей промышленности, в том числе формирование новых укладов жизни. Например, освоение морекультуры возле Владивостока. Это переформатирование, в том числе старых промышленных баз. Есть интересный пример Великой Пышмы, то, что сделал УГМК. Но это целый ряд других этих

небольших горняцких в прошлом городков Урала, которые экологически засорены, и это вопрос, в том числе, будущих поколений в этих городах.

Это неоиндустриальное освоение центра Восточной Сибири, это молодежные города будущего. Это освоение Русской Арктики, потому что всегда есть интересный вопрос: а какое самое большое открытие сделали российские ученые с конца 90-х. Так вот самое большое открытие — это географическое открытие. Русские ученые доказали, что территория России в Северном Ледовитом океане не заканчивается каймой, а это шельф, и в 2015 году ООН приняло, в принципе, решение значительный кусок территории передать России, то есть это важнейший вопрос: как будет осваиваться эта кайма.

Ну и наконец, последний момент — сдвиг деловой активности за Урал, о чем говорил и Юрий Васильевич. Но мне кажется, что здесь нужно обсуждать несколько возможных вариантов новой столицы. И фактически организовывать что-то типа игрового кастинга, поскольку Екатеринбург может претендовать на эту столицу, если он становится в основе креста. То есть с одной стороны Транссиб, а с другой стороны южные части. И с этой точки зрения важнейший, конечно, вопрос — это то, что должны быть заданы пояса. То, о чем говорил Юрий Васильевич. Тут есть целый ряд и старых интересных идей. Например, в свое время идея архитектора Лежавы — проектирование полосы Транссиба. Но это означает, что для того, чтобы создавать политический документ верхнего политического уровня, то нужно, в том числе, концепцию расселения связывать с транспортной стратегией России, с генеральной схемой размещения объектов электроэнергетики, которая во многом до сих пор архаичская — здесь надо к новым схемам переходить. Программы Минцифры цифровизации. И это фактически важнейший момент, в том числе создание трансцивилизационных очагов продвижения и определения участия в них других цивилизаций. Например, у китайцев есть огромное желание участвовать в освоении Севморпути, как и индусов.

Возникает вопрос: какие, собственно, другие варианты очагов могут быть предложены нам? Я бы при этом, условно, выделил три важнейших пояса, поскольку про это Юрий Васильевич говорил, на мой взгляд один из принципиальных поясов, где возникает вся возможность инновационности, — это арктическая континентальная кайма из опорных населенных пунктов. В том числе где ведутся разработки искусственных арктических городков. Это важнейший вопрос, как будет выстроена эта кайма, что она будет представлять? Это разрозненные базы? Или это единая нефрагментируемое пространство. Это новая конфигурация, на мой взгляд, трансевразийского пояса, развитие вдоль Транссиба БАМа, большого порта Владивосток и южной вертикали — от Субеты, куда входит промышленный Урал, полярный через Екатеринбург на Каспий, Иран и Индию, что задает своеобразный крест удержания этого пространства. Ну и на мой взгляд, у нас с Юрием Васильевичем в обсуждении такая есть идея — это реконструкция старых баз Нечерноземья с выходом на Беларусь и Западную Сибирь, так называемый льняной пояс, который учитывает возможность нового переосвоения Нечерноземья, потому что базовая

культура конкурентная на мировом уровне — это лен, поскольку Москва сделана на деньги братьев Третьяковых. И консерватория, и канитель — это лен, так сказать. И замечательная Третьяковская галерея — это лен. То есть это огромный, огромный тип капитализации и возможностей.

Поэтому, завершая, я захотел сказать всего три вещи. Значит, на мой взгляд, развивать всё и всюду хаотически невозможно. Поэтому в любом случае эта стратегия пространственного развития должна будет определять некоторый своеобразный экзоскелет, где уровень развития этих опорных зон или поясов будет выше этого пространства, и там будут созданы отдельные условия, которые должны будут, в том числе, экспериментально и градостроительно, и ресурсно, и с точки зрения антропологической модели. Потому что, например, одна вещь совершенно понятна: чтобы жить в этом пространстве, которое есть, скорее всего, русским людям придется учиться работать в двух и жить в двух местах одновременно. Только так можно будет удержать пространство. И поэтому очень важен этот экзоскелет.

Это вопрос мультиинфраструктурных форм организации поселения, и концепция русского смарт-сити. Потому что у меня друг Мичи Кохна из Японии, несмотря на все сложности с СВО, он очень увлечен тоже, какую, собственно, модель смарт-сити выработают русские, что это будет из себя представлять, где, с одной стороны, это, конечно, другая цифровая среда, но Мичи Кохна сразу говорит: смарт-сити — это не супер-кибер-пространство, это когда жители города все вместе могут решать проблемы своего поселения, тогда это умный город.

И наконец, мне кажется, один из важнейших вопросов, к которому мы подошли, — это, в том числе, совершенно новые институты, нам нужны новые институты, которые будут заниматься освоением пространства. Вот у Александра Сергеевича, я знаю, на эту тему есть целый ряд идей, но это требует отдельного обсуждения, потому что выход за рамки западного порядка потребует новых институциональных решений, в том числе планетарных, с приглашением к участию других стран, в том числе чтобы работать нам самим с нашим русским пространством. Спасибо большое.

Юрий Крупнов: Спасибо большое, Юрий Вячеславович. Четвертый пояс я бы добавил. Мы с Юрием Вячеславовичем его прорабатываем. Я бы его назвал Индопацификой России, то есть с центром в Индонезии, потому что нам нужно в эти суперюжные тропические моря с центром в Индонезии, и все регионы Нусантары. Кстати, в Индонезии как раз с прошлого года практически начался перенос столицы с острова Ява на остров Калимантан. Это я так, для сведения наших фантазеров, которые рассказывают, что перенос столицы — это просто разорит все страны и континенты. Сейчас я хотел бы передать слово Дмитрию Евгеньевичу Фесенко, он главный редактор, издатель, создатель журнала «Архитектурный вестник», ну и масса других у него регалий и возможностей. Коллеги, я просил бы сейчас: у нас были такие вводные доклады, пять-семь минут, если можно, потому что у нас все-таки задача:

главное — бросить идею. Пожалуйста, Дмитрий Евгеньевич. Приготовиться Олегу Григорьевичу. Поставьте, пожалуйста, презентацию Фесенко. Спасибо.

Дмитрий Фесенко: Уважаемые коллеги! Мой текст, собственно, состоит из двух частей: историческая часть и современная. Прежде чем акцентно части перейти к позднесоветской и постсоветской нужно сказать о предыстории, о плане ГОЭЛРО, который фактически нес в себе инновацию, экономическое районирование, правда, оно не распространялось на Восточную Сибирь и Приморье. И многие эксперты считают, что последствие мы имеем сейчас от этого.

Если говорить о генеральной схеме размещения и развития производительных сил, над ней началась работа в конце 50-х годов, и, собственно, только в 1968 году был подготовлен этот 50-томный труд, и, собственно, там мы видим, он стал предпосылкой развития народного хозяйства, создания территориально-производственных комплексов, строительства новых городов и так далее. И в 60-е — 80-е годы вообще это был такой золотой век районной планировки как дисциплинарного раздела. И нельзя не сказать, что внутри генеральной схемы развития и размещения производительных сил мы раздел расселения населения или размещения населения, который, собственно, тогда закреплял эту, что ли, модель марксистского способа производства или человек для производства. То есть первичность производства по отношению к человеку.

В 70-е и 80-е годы началась работа над последовавшими друг за другом генеральными схемами расселения, которые зафиксировали вот эту сдвигку сознания от «человек для производства» к модели «производство для человека». Они были в 1982 и 1983 году утверждены. Собственно, основные идеи — это, первое, речь шла о единой системе городского и сельского расселения в продолжение марксистского принципа сближения города и деревни. Одной из важнейших операциональных единиц была групповая система населенных мест — это, значит, их было от 300 до 400 по всей территории Советского Союза. Даже медвежьи углы захватывались, где вот этот кластер, он крутился даже вокруг 20-тысячного города.

Следующее — это ограничение роста. Тогда, в начале 70-х, ограничение роста крупных городов и всемерное содействие развитию средних и малых городов и совершенствование сельской системы расселения, которой очень много внимания уделялось, начиная от типологии жилья и заканчивая благоустройством.

Следующий этап — это 90-е годы. Работа над генеральной схемой расселения на территории уже Российской Федерации. И основные идеи... Да, она была в 1994 году утверждена, руководитель Александр Сергеевич. И получила Госпремию в 1997 году. Основные идеи — это представление территории страны как взаимосвязанной совокупности бассейнов расселения или систем расселения. Очень важное положение, практически ключевое — это установка на обеспечение 25 миллионов из бывших 14 республик и обеспечение их жильем и местами приложения труда. И все они должны были так или иначе, естественно, расселиться вдоль Транссиба и БАМа и в южных регионах

европейской части Российской Федерации. Всё это не реализовалось, потому что, как Александр Сергеевич говорит, вместо 25 миллионов официально приехало 10, а кроме того, стало сдуваться, фактически уничтожаться, ликвидироваться промышленность. И эти рабочие места растворялись пространстве.

Следующий сюжет: можно сказать, конкурс начала 2000-х годов, объявленный японцами на город 2010 и Арижава с командой предложили этот линейный город, который строился вдоль этого русла расселения от Владивостока до Санкт-Петербурга и семь меридиональных связочек. Восточная, мы видим, раздваивается на Якутск и на Магадан и далее.

Следующий сюжет — это 2010-е годы, когда происходит возрождение стратегирования, вообще, пространственного стратегирования как дисциплины, что зафиксировано в ФЗ-172 «О стратегическом планировании РФ», тогда же разрабатываются пять схем территориального планирования, они называют — в кавычках — отраслевые. Хотя официально их так не называют. Это транспорт, трубопроводный транспорт, размещение объектов здравоохранения, размещение объектов высшего образования и засекреченная схема национальной безопасности. К сожалению, скрепляющей, склеивающей схемы территориального планирования в области расселения или генеральной схемы расселения отсутствует прежде всего потому, что, в принципе, этот документ отсутствует в Градкодексе.

Следующее, что нужно сказать. В ФЗ-172 было предусмотрена разработка стратегии пространственного развития — СПР РФ. И работа началась в 2016 году. В феврале 2019 года он был, этот документ был утвержден. Значит, какие его основные параметры? Он не синхронизирован с другими стратегическими документами. Со стратегией научно-технического развития и так далее, которая была, по-моему, в 2016 году утверждена. Второе: фактически она апеллирует к архаичной позиции, которая была минрегионразвития в середине нулевых годов выдвинута, управляемого сжатия или тогда она называлась «компактное государство» или «поляризованное развитие». В общем, делается упор на точки роста, на 40 агломераций, вообще, которая восходит, на самом деле, не к середине нулевых, а еще к позднесоветскому времени. И содержится в приложении — там два приложения — и там содержится, там, где говорится о специализации 85 субъектов Федерации, тогда 85, там была масса фактических ошибок. Я не будучи экономгеографом могу ткнуть носом тех, кто делал.

Четвертое — этот документ подвергся нелицеприятной критике со стороны Матвиенко и со стороны Совбеза. И что касается современности. Что делать? Ну понятно, что программа-максимум — это создание генеральной схемы расселения и генеральной или стратегии размещения и развития производительных сил. Прежде чем выполнять этот капиталоемкий и требующий кадров, времени и так далее проект, необходимо проработать хотя бы основные три направления, они бьются с тем, о чем говорил Юрий Вячеславович. Первое — это развертывание программы индустриализации 2.0, которая определяет точки роста, те же самые пояса, можно говорить о Владивостоке как городе-

архипелаге. Идея Александра Сергеевича русской Балтии. Ну если говорить более, что ли, конкретно, тоже это Александра Сергеевича идея: центр международного сотрудничества в том же... в рамках Владивостока, города-архипелага, центр которого объединил бы усилия России.

Значит, следующее — это новые территориально-производственные комплексы или те, которые, в общем, допустим, Тимано-Печорский, который не был в советское время выполнен. Следующее — это новые производственные мощности, размещение, начиная от оборонного комплекса, авиастроения, судостроения, станкостроения, всё, что было опущено фактически за последние 30 лет. Научно-исследовательские инженерные кластеры, о чем говорил Александр Сергеевич, вот эта парабола Мурманск — Архангельск — Калининград, где фактически интеллектуальный потенциал. И образовательные кампусы. Также Александр Сергеевич говорит, что Владимирская область могла бы стать вот таким, одним из центров.

Следующее: разворот транспортной структуры...

Юрий Крупнов: Нет, Дмитрий Евгеньевич, всё, мы должны закончить.

Дмитрий Фесенко: У меня две позиции.

Юрий Крупнов: Полминуты.

Дмитрий Фесенко: Значит, разворот транспортной структуры в направлении южных и юго-восточных соседей, значит, север — юг, те два мега-проекта, о которых говорил. Фактически это в рамках концепции современного Аркаима. Те две модели, о которых говорил Юрий Васильевич, Сабета — Карачи. И тут нужно сказать, правда, еще, что, конечно, нужно переориентировать транспорт с первого класса на четвертый и пятый.

И последний момент: естественно, из транспортного приоритета и реиндустриализации возникает идея, понятно, рестуна расселения, который делает упор от центростремительности к центробежности с сбалансированным развитием средних и малых городов с упором доминированием многоквартирного жилья в сторону усадебной урбанизации, малоэтажного индивидуального жилищного строительства. Спасибо за внимание.

Юрий Крупнов: Спасибо большое. Олегу Григорьевичу, можно? Сейчас, прежде чем я представлю Олега Григорьевича, я хочу сказать, что в существующей стратегии пространственного развития мой любимый сюжет — это, например, открываешь Краснодарский край, специализацию, и Вологодскую область. Вот вы, чтобы знали, у Вологодской области и у Краснодарского края — может быть, вы не знаете, у них специализация — растениеводство и животноводство. То есть вот у нас два субъекта: один почти уже за Полярным, к Заполярью, другой — наша житница замечательная с пшеницей, но в этой стратегии у них одинаковая специализация. Вот и думай, как хочешь. Это не критика, это радость оттого, что так могли люди сделать. Олег Григорьевич Овчинников, руководитель Центра аграрных проблем Института США и Канады, главный научный

сотрудник и депутата Совета депутатов Сафоново городского поселения Смоленской области. Пожалуйста.

Олег Овчинников: Можно мне поставить презентацию, пожалуйста.

Юрий Крупнов: Презентацию поставьте, пожалуйста.

Олег Овчинников: Уважаемый модератор, участники круглого стола! Я выступаю не только как ученый, но и так же, как муниципальный депутат с 12-летним стажем в городе Сафоново Смоленской области, достаточно благополучном малом городе российского Нечерноземья. Поэтому свое выступление буду сопровождать данными на его примере. Содержание моего доклада на слайде. Мой доклад — о малых городах. Это города с населением менее 50 тысяч человек. Они — основа сельской местности и, как правило, райцентры, где расположены основные объекты социально-экономической инфраструктуры, а также большая часть представительств госучреждений, обслуживающих окружающие сельские поселения. Здесь так же предприятия, где работает значительная часть сельских жителей, предпочитающих сельскую жизнь городской. Таким образом, малые города — своеобразный каркас сельской местности, центр жизнедеятельности села. По их состоянию можно судить о благополучии данной территории.

На диаграмме — динамика числа изменения малых городов России, их населения с начала века.

Желтым выделена группа малых городов. Всё очевидно: эти города, а с ними окружающие их сельские территории постепенно вымирают. Существует три основных финансовых источника развития социально-экономической инфраструктуры малых городов: бюджетные средства, средства, выплачиваемые гражданами за площадь жилфонда и капремонт, и коммерческие инвестиции. Кратко оценим состояние дел каждого из них.

Первое — бюджетные средства. Доходы муниципального бюджета состоят из собственных средств и внешних поступлений. Основные источники собственных средств, более 90%, составляют отчисления от НДФЛ, взимаемого на территории городов, и налоги на имущество, включая землю. Объем собственных средств в расчете растет, но гораздо меньшими темпами, чем уровень инфляции, в результате покупательная способность бюджета постепенно снижается. На диаграмме это хорошо видно. Это бюджет Сафоново.

Внешние источники — это субсидии на выравнивание местного бюджета и субвенции, приходящие из бюджета, а также целевые поступления, в рамках региональных и федеральных программ. На диаграмме — расходы Сафоново за последние 13 лет. Нетрудно заметить, что собственные средства составляют в среднем менее половины общих сумм расходов. Важный вопрос: достаточно ли бюджетных средств для поддержания инфраструктуры города и его развития? Сравним расходы бюджета на душу населения в Сафоново, в Смоленке и Москве. Итоги расчета на слайде... Результат очевиден: разница между Москвой и Смоленском колоссальная, почти 10 раз. Между Смоленском и Сафоново — внушительная, более двух раз. Какова должна быть величина расходной части бюджета

Сафоново, чтобы обеспечить уровень бюджетных расходов в расчете на человека в половину от московского? Примерный расчет на слайде. Существующий уровень должен быть увеличен в 11 раз. Вывод очевиден: средств для развития Сафоново явно недостаточно.

Оценим второй источник развития малых городов. Это средства, оплачиваемые гражданами за обслуживание жилфонда и на капремонт. Примерное сравнение на слайде. Тарифы в Москве существенно больше, чем в Сафоново притом, что жилфонд Сафоново изношен намного больше и требует больше средств для обслуживания и ремонта. Можно ли повысить уровни тарифов для населения Сафонов? Значительно — нет. Бедное в основной своей массе население не может платить их достаточный уровень. Кроме того, и как следствие, платежная дисциплина граждан весьма низкая. На слайде итог постоянного дефицита средств в вышеуказанных областях. Думаю, комментарии излишни.

Пару слов о коммерческих инвестициях. О них часто говорят, как о драйвере местной экономики. То, что сейчас скажу, вызовет у кого-то непонимание, даже внутренний протест. Я утверждаю, что коммерческие инвестиции в экономику малого города, в их общепринятом понимании малоэффективны с точки зрения роста его жизнеспособности. Аргументирую. Если учесть, что НДФЛ и налоги на имущество — два основных налога, формирующие собственные средства местного бюджета, то он от появления новых предприятий практически ничего не выигрывает. Второе: увеличение спроса на внутреннем рынке малого города от появления новых рабочих мест и зарплаты так же незначительно. Очень кратко о последствиях того, что имеем. Сафоново постепенно вымирает. На диаграмме — численная динамика населения города за последние 60 лет. Пик — в 90-м году. За постсоветский период сокращение на треть.

Промышленный потенциал города поступательно деградирует. На диаграмме динамика выпуска продукции на средних и крупных предприятиях в номинальном — кривая — и реальном — столбцы — исчислении за последние 12 лет. Тенденция налицо. Подведем небольшой итог. Он представлен на слайде. Увы и увы. Следом два вопроса: есть ли выход? И извечный русский вопрос: что делать?

Да, выход есть. А что делать — свои мысли на этот счет я сейчас очень кратко расскажу. Скажу сразу: то, о чем буду говорить, практически не требует бюджетных денег. Предлагается антикризисная программа с расчетом преимущественно на собственные ресурсы. Предлагаемая стратегия может вывести любой малый город и район как минимум из полосы кризиса, а если будет полностью реализована, то позволит им достигнуть состояния экономической самодостаточности. Структура программы на слайде. Она состоит из двух основных разделов. Во-первых, мобилизация внутренних, как правило, управленческих ресурсов. Это направление практически не требует финансовых средств. Но зато сильного управленческого ресурса. Мероприятие второго раздела называется «увеличение ресурсной базы». Что это — кратко скажу ниже. Каждый из разделов программы делится, в свою очередь, на четыре направления. На слайде — структура

первого раздела. За неимением времени скажу лишь о первом, очень важном направлении. По остальным будут вопросы, отвечу после.

Это направление состоит в том, чтобы заставить уже существующие местные нормативные акты работать по-настоящему. Поясню на примере: уже около трех лет пытаюсь убедить чиновников администрации района в необходимости полноценно внедрить практику правила благоустройства — документ, который есть в каждом муниципалитете.

В Сафоново правила задействованы, думаю, максимум на 10%. Если бы они работали хотя бы на половину, не говорю полностью, город бы просто расцвел, причем без особых затрат и средств. Но этого нет. И в основе не желание, а скорее неспособность чиновников организовать системный подход их исполнения. Я расписал, что надо для внедрения, предложил чиновникам, пытался провести через горсовет, но власти никак не реагируют, а горсовет, де факто подчиненный местной администрации, так же не проявляет интереса.

Второй раздел программы. Его мероприятия призваны наполнить экономику города средствами. Однако не любыми, а теми, которые увеличат благосостояние данной территории, в том числе рост наполнения местного бюджета и максимально возможный перелив средств в социальную сферу. Такие средства в совокупности составляют ресурсную базу развития данной территории. Ее наполнение возможно несколькими путями. Они перечислены на слайде. Два слова о последнем направлении. Уверен, в существующих реалиях пополнить местные бюджеты в достаточной для развития малого города мере можно лишь при условии, когда муниципалитет начнет сам зарабатывать средства. Иначе говоря, местные власти через МУПы и корпорации должны входить в бизнес. Но не в любой, а прежде всего социально ориентированный, а также тот, услуги которому они уже предоставляют. Их примерный перечень на слайде. Если совокупный бизнес муниципалитета достигнет определенных размеров, то не исключено создание холдинговых структур и муниципального банка. Данное предложение звучит необычно. Но в условиях российской модели госуправления, оставляющей регионы, муниципалитет на голодном пайке, альтернативы, уверен, тому, что предложил, нет. Если кто-то назовет мне другие варианты наполнения бюджета малых городов до размеров расчета на душу населения соизмеримых с Москвой, готов отказаться от этого предложения.

Последний важный раздел доклада. Что мешает развитию малых городов? Думаю, регионов тоже. Я видел две основные взаимосвязанные проблемы — они на слайде. Первое: значительный рост числа безынициативных и некомпетентных управленцев на местах. Конечно, не все местные чиновники таковы, но, увы, таких сейчас большинство. Вторая проблема: крайнее несовершенство законодательства. Оно сейчас таково, что шаг влево, шаг вправо, и заведено в лучшем случае административное, а скорее всего, уголовное дело. Обязательств у муниципалитета по закону много. Средствами в должной мере они не обеспечены, проблем в сфере ЖКХ достаточно, дороги большей частью разбиты, водопроводы и канализационные сети крайне изношены, ливневки на ладан

дышат, даже для поддержания всего этого в должном состоянии нужны средства, которых нет и в обозримой перспективе не будет.

Но полномочия остаются, и прокуратура будет выписывать вам одно предписание за другим. Плюс контроль действий местной власти, который большей частью мелочный и выше всяких разумных пределов. Также и оплата труда местных муниципалов такова, что способные управленцы никогда не пойдут туда работать. Повторю: речь идет о провинциальных депрессивных муниципалитетах, которых в сельской России большинство. В таких условиях о какой-либо хозяйственной инициативе речи нет. Большинство местных чиновников предпочитает смиренно стоять, образно говоря, с протянутой рукой в ожидании очередной субсидии, дотации, субвенции, то есть милостыни сверху. Тупик. Мое время подошло к концу.

Я подвожу итог, позвольте подвести итог. Он краток: четыре пункта. Первые два: констатация сложившейся ситуации. Во-первых, малые города, а также большая часть сельской местности России неуклонно вымирает. Во-вторых, в существующей парадигме российского госуправления возможности даже для приостановки этого процесса нет. Два остальных пункта — ответ на вопрос круглого стола: что делать, чтобы видеть результат уже через пять лет. В-третьих, для исправления ситуации нужна коренная реформа местного самоуправления, прежде всего предоставление муниципалитетам большей самостоятельности. И в-четвертых, на этом фоне повсеместное внедрение антикризисного планирования. Считаю, что альтернативы перечисленному начавшихся в наших условиях нет. Мой доклад окончен, спасибо за внимание.

Юрий Крупнов: Спасибо большое, Олег Григорьевич. При этом, коллеги, я подчеркну, что Сафоново, по сути, стоит на минской трассе, близко. Да. И это еще достаточно благоприятная, скажем так, в этом плане ситуация. Да, а что говорить о сотнях наших малых городов, которые далеки от каких-либо трасс? Далее передаю слово Панину Александру Николаевичу, директору Центра геодемографии и пространственного развития МГУ имени Ломоносова, управляющего партнера Научно-исследовательского центра «Картфонд». Пожалуйста.

Александр Панин: Пожалуйста, можно презентацию? Непростой получается разговор. Я экономический географ. Всё, что говорили коллеги, это близко. Наши учителя, собственно, и Георгий Михайлович Лаппо и разные другие. Баранский. Это, в общем-то, те люди, на чьих работах мы строим собственные траектории исследований.

Я все-таки отреагирую на доклад коллеги. Действительно, проблема малых городов там ключевая. Кстати говоря, Сафоново в 2021 году становился победителем Всероссийского конкурса малых городов, но, может быть, еще только началась работа. Это довольно интересный конкурс, потому что все-таки что-то происходит. Мне действительно было интересно, 40 000 человек, такая депопуляция и т. д.

Этот подход к снаряду, который мы там делаем последние 20 лет, особенно после того, как появился Градкодекс, конечно, удовлетворяет, мягко говоря, не в полной мере. Потому что ключевой КРП, о котором коллеги говорят и Юрий Васильевич, депопуляция, конечно, носит сегодня катастрофический характер.

И ясно, что мы сегодня, когда анализируем, пытаемся составить новый план или пересмотреть будущую систему расселения, по сути, не имеем не просто управленческого, мы не имеем информационно-статистического инструментария для того, чтобы это понять. Пусть здесь присутствующие коллеги не обижаются на меня, но мы сегодня мало представляем, какая реальная численность населения у нас в стране, какая этническая, социально-демографическая структура.

У нас 157 000 населенных пунктов, Сафоново один из них. Демографический происходит всего лишь в год в 90 000 населенных пунктах, но за счет малочисленности мы ничего не видим. И для всего этого мы делаем документы терпланирования, генеральные планы, правила застройки землепользования, схемы терпланирования муниципалитетов, регионов и т. д. Мы тут упражнение недавно делали, пытались сложить демографические прогнозы в муниципалитетах. Получается, что в моем любимом Ставропольском крае совокупность муниципальных прогнозов дает численность в 5 млн человек, сейчас там 2,7 млн примерно. То есть это как? А дальше по списку.

Поэтому, конечно, мы сегодня имеем колоссальную проблему с тем, на основе чего мы принимаем решения. Мне понравилась амбиция Юрия Васильевича о том, что коллектив, который здесь присутствует, наверное, кто смотрит нас в трансляциях, конечно, болеет за обустройство и переустройство страны, но надо понимать, что сегодня даже на управленческом уровне мы не имеем достаточного инструментария. Я к этому еще вернусь.

Я все-таки хотел не только критиковать существующие практики, но и хвалить, потому что конкурс, как бы ни охали в зале, это очень важная вещь. И там, где по-честному отработали, все хорошо, и дем показатели улучшаются, и траектория миграционного оттока снижается. Да, примеров мало, но они есть.

Мне понравилось, как коллеги вспоминали советскую практику пространственного планирования, генеральную схему. Но коллеги, мы все-таки находимся в несколько других реалиях сегодня и нам, конечно, надо и методологически осмысливать подходы тоже как-то иначе.

Три важные вещи. Я просто скажу и не буду больше возвращаться. Сегодня у нас документы терпланирования или стратегии часто делают архитекторы. Это хорошо. И, действительно, архитекторы запустили сейчас супер-работу с мастер-планами, я хвалю ее. Но надо понимать, что эта история действительно междисциплинарная и одного архитектора, к сожалению, недостаточно, особенно если архитектор прекрасный объемщик. Нужны и

другие люди. Этот термин называется полимасштабность, старый термин, но это возможность перемещаться по территориальным уровням.

Как можно сегодня и хвалить, и критиковать одновременно программы комплексного развития? Действительно, они создают быстрые эффекты. Благоустроили вокзал, и сразу мы видим эффект. Но мы слишком много хотим от этих проектов. Мы забываем главный базис, и он находится именно в этом принципе. Потому что для каждого населенного пункта, пусть не для всех 157 000, но мы должны придумать функции и роли. Если мы это с вами не делаем, ничего у нас не получится. Это мертворожденные дети.

Темпоральность. Понятно, что мы должны понимать время и временные особенности. Недавно анализировали японский национальный стат. В 1980-х годах они понимают, что такое дневное и ночное население. У нас Росстат до сих пор это делать не хочет. Все, что мы сейчас имеем, это непонятные результаты VPN и какие-то мифические Big Data. Это что, официальная статистика? Мы не можем на нее опираться и не можем строить прогнозы.

И учет многообразия, об этом сегодня много говорилось. Есть отличный пример, я хотел бы о нем сказать. Мне кажется, что это довольно интересная история. Может быть, вы заметили или нет, 17 марта прошло большое, трехчасовое совещание у президента, где слушались мастер-планы городов Дальнего Востока. Я посмотрел от начала до конца. Мне показалось, что это, возможно, первый сегодня пример, когда на большую территорию, может быть, не на территорию в масштабе страны, но все-таки попытались посмотреть комплексно.

Мне понравилось здесь, что из этих 20 городов, для которых разработали мастер-планы коллеги из «Дом.рф», из разных других организаций, нас привлекали в какой-то части, попытались собрать функции. Возможно, это первая попытка. Про БАМ сегодня говорили. Северобайкальск и Тында – два опорных центра БАМа. Мне понравилось, что эти города в этот раз осмыслили не как точки сами по себе, а как ареалы, территории, которые отвечают за большое количество населенных пунктов. И это важно. Проекты, которые показывали, это не просто благоустройство набережной или создание туристского центра, а создание техникума на основе целого ряда в том числе креативных профессий, которые нужны, создание опорных функций, связанных с отдыхом и т. д. Но ключевые задачи государства по освоению БАМа остаются.

Это ведь очень важно, потому что многие такие истории на чем фокусируются? У нас монопрофильные поселения, давайте бороться с монопрофильностью. Мне понравилось, что многие вещи все-таки базовый советский характер сохранили.

Коллеги, я понимаю, что у меня времени нет, но я все-таки хотел сказать буквально несколько слов о городах. Дело в том, что у нас действительно сейчас будет меняться, и в основе всех наших планов лежит демографическое развитие и траектория. Конечно, нам очень важно понимать, что у нас здесь складывается в смысле динамики.

Коллеги сегодня говорили, что мы сложили людей в городах. Но мы увидели, что в ковид малые города стали пополняться за счет крупных агломераций. Если вас пригласить на наши академические встречи 10-летней давности, никто бы не поверил, что крупные города могут терять население. А все-таки мы увидели.

Я хочу просто привести одну цифру в дополнение ваших слов. Мне кажется, что вы очень правильно сказали. Перепись мы, конечно, критикуем. Как раз критикуем для малых территорий, потому что, когда ты начинаешь раскладывать... Но все-таки это большая выборка, большой соцопрос. Примерно 25% женщин фертильного возраста у нас имеют ноль детей. В Москве, Санкт-Петербурге и крупных городах – 40%.

Мы провели сейчас большой опрос вместе с Госуслугами, может быть, вы встречали его на просторах интернета. Ключевая, вторая, третья причина – это жилищные условия. Но когда мы делаем декомпозицию на среду, не только комфортную среду, а доступность и прочее, то выясняется, что это топовая причина. Поэтому, конечно, нам нужно менять полностью подходы к пространственному планированию.

Юрий Крупнов: Спасибо большое, Александр Николаевич! Вы критиковали архитекторов, прямо скажем. Дальше будут почти все архитекторы. Передаю слову архитектору Иванову Алексею Александровичу, директору архитектурной мастерской «Архстройдизайн АСД», профессору Московского отделения Международной академии архитектуры и лауреату многочисленных премий. Пожалуйста.

Алексей Иванов: Коллеги, добрый день. Как архитектор-практик, я отвечаю за иллюстрацию, за красивые картинки и заодно за все, что творится. У нас есть такая шутка – если проект удался, то заслуга архитекторов, если нет, то виноваты строители и все, кто их консультировал.

Я выбрал для иллюстрации сегодняшней темы сессии три проекта. Их объединяют три пункта. Основное — это то, что это объекты, предоставляющие нашим жителям примерно одинаковое количество жилых единиц. Второе — это объекты, которые объединяет примерно одинаковое социальное положение наших жителей, это средний класс плюс-минус. И о последнем объединяющем условии я расскажу дальше. Вы их все знаете. Это всего на всего иллюстрации, и ни в коем случае не претендуют на какой-то архитектурный пафос. Я постарался выбрать самое показательное, что может быть.

На самом деле, конечно, я понижаю пафос немножко нашей дискуссии. Начав с глобалистских проблем, начав с проблем расселения и т. д., я перехожу скорее к инструменту, которым мы, и урбанисты, и архитекторы, располагаем, это жилая единица. Я выбрал для примера жилую единицу всем нам известную и в основном используемую в русской провинции. Я намеренно не использую московский и питерский опыт столиц. Это точечная застройка, квартальная застройка и то, к чему мы стремимся – массовая малоэтажная застройка, сделанная по проектам.

Сейчас вы видите город Киров, пример точечной застройки. Дом примерно на 120 жилых единиц. В дальнейшем я вам покажу по сравнению. Этот дом расположен на участке всего на всего 6 000 метров, 0,6 гектара, с коммуникациями 500 метров к нему и дорожной сетью вокруг порядка 500 метров. Он по количеству жилья конкурирует с поселком 35 гектаров и по дальнейшим показателям вы увидите, насколько отличается.

Нам это важно для того, чтобы понять, какие пути альтернативы. Потому что, когда мы предлагаем городам развивать малоэтажное загородное массовое строительство и администрация, и бизнес нам отвечают: «Зачем? Это неэффективно». И это действительно неэффективно. На сегодняшнем экономическом форуме я выполняю роль... Был такой философ в начале XX века, Лев Шестов, он себя назвал «антифилософ». У него была фраза известная: «Привычка к логическому мышлению убивает фантазию». Я закончу как раз тем, что чуть больше экономики убивает красоту.

И, наверное, мы сегодня собрались не для того, чтобы обсуждать, как много квадратных метров мы можем предоставить своим гражданам. Мы предоставляли и получили эту отвратительную среду. Мы знаем, переезжая из пункта А в пункт Б по России. И за последние 70 лет мы, архитекторы, действительно, заслуживаем того, чтобы нас ругали. И это первая самая популярная, самая эффективная экономическая модель расселения, точечная застройка вблизи центра города.

Следующая застройка, которая тоже очень популярна сейчас и по России, и в Москве – квартальная застройка уже среднеэтажная, когда на участке порядка двух гектар мы получаем порядка 180 квартир средней площадью 50–100 метров и расселяем порядка 500 жильцов. Это Ижевск, проект «Знак». Единственное, что его отличает, это то, что мы попытались этот проект собрать вокруг какой-то общественной зоны, потому что, если мы посмотрим все наши урбанистические, проектные предложения, это в основном квартальное или точечное жилье с коммерческими помещениями на первых этажах. И на этом, мы говорим, жизнь наших граждан ограничивается.

И чем она ограничивается? Вот единицы такого расселения. Это тот самый квартал переменной этажности шесть-восемь метров. Если первый проект давал порядка 7 000–8 000 квадратных метров продаваемой площади, то здесь мы получаем уже 12–15. Вот его реализация.

Возвращаясь опять к будущей таблице, мы говорим о том, что вот те самые пять лет. Срок строительства и проектирования этого квартала не превышает трех лет. Это к теме нашего сегодняшнего форума. А вот то, что вымерло. Сегодня будем говорить о покойнике. Это та самая манера расселения, которая была очень популярна в 1990-2000-е годы и практически исчезла за последние пять лет, и то, на что мы очень надеемся, к чему мы стремимся, чтобы возродиться.

Это поселок Гринвич, его общинная система. Это поселок Золотая подкова в Пензе. И предыдущую точечную квартальную застройку, и этот поселок я предлагаю, как модель для

сравнения, потому что если в одном 120 жилых единиц, в другом – 150, то здесь 132 жилых дома и в общем-то публика одна и та же. И имеем право сравнить, почему наш покупатель, житель должен жить в этой среде в Пензе, а не в доме. Типовые проекты были сделаны по единому генплану и т. д. Достаточно обычная вещь.

Клубный дом в России. Все примеры разного типа застройки. Этот проект чуть-чуть отличается. Отличается только тем, что здесь сделана попытка сделать жилье чуть более доступным. И вот, во что это выросло. Стоимость дома здесь сопоставима со стоимостью трехкомнатной квартиры. Та задача, которая была перед нами поставлена и в общем выдержана.

И вот мы имеем с вами мультимедийное жилье, которое тоже более-менее сейчас популярно, когда на одном генплане мы объединяем застройку с отдельно стоящими индивидуальными таунхаусами и квартирными домами. В результате мы с вами пришли к сравнению, с тем чтобы понять, с открытым забралом идти к тем проблемам, с которыми сталкиваемся. Мы рассматриваем три проекта: индивидуальный дом, точечный, квартал и поселок. И оказывается, что на площади 6 000 метров, 1 500 метров и 35 000 метров мы получаем примерно одинаковое количество жилых единиц. Если уйти от таблицы – может быть, у вас будет возможность потом проверить – самое большое различие в качестве жилья.

Если американский дом и квартира сегодня расходятся в порядка 20 метров, если средняя квартира – это порядка, по-моему, 130-140 метров, а жилой дом – 150, то разница между относительно элитным домом в центре города, в 500 метрах от всех коммуникаций составляет... И мы видим, что наше малоэтажное жилье нуждается в поддержке. Пафос был в том, что сегодня...

Юрий Крупнов: Все подумали, наоборот, кстати, из вашего доклада, что самые экономичные и самые лучшие – это 50-этажные дома.

Алексей Иванов: Да, об этом и речь. Это я и хотел донести. Слава богу, мне удалось. Дело в том, что сегодня в этих домах живет 70% нашего населения, а в тех поселках – 30%. А по опросам оказывается наоборот, 70% хотят жить в малоэтажной застройке в своем доме со своим участком, а 30% – нет. Значит, мы здесь собрались для того, чтобы как-то хотя бы сбалансировать эту диспропорцию.

Сегодня модно цитировать Ильфа и Петрова. Был задан тренд, его продолжение скажу. У Ильфа была замечательная фраза в записных книжках, он говорил, что фантасты предполагали счастливое будущее с появлением радио, будет радио, будет и счастье. Он говорит: «Радио есть, а счастья нет». Имеем мы сейчас эти миллионы квадратных метров, а счастья нет.

Поэтому вдогонку к этой боли, которую мы услышали про малые города, с которой я абсолютно согласен, весь наш проектный опыт говорит о том, что объединяет все проекты, которые я вам сегодня показал, в основном одно – они все центростремительные. Все, к

чему они стремятся – это к центру главного города, большого города. Они ездят туда работать, они ездят туда в театр. И правильно сказал Кривов, есть такой термин «транзитный город» и «транзитное население». Сегодня мы получили этот термин Александра Сергеевича. Транзитное население. Хотим? Пожалуйста.

И как альтернатива, я предлагаю создавать такие центры притяжения, которые эти малоэтажные поселки объединят вокруг центров, где будет все.

Юрий Крупнов: Спасибо большое! Будем прекращать жить на вокзале. Пора жить на своей земле.

Алексей Иванов: Спасибо!

Юрий Крупнов: Спасибо большое! Сейчас прошу передать слово Евгению Александровичу Гурвичу, председателю Совета по градостроительству Союза архитекторов России, вице-президенту Союза московских архитекторов. Пожалуйста, Евгений Александрович.

Евгений Гурвич: Спасибо большое! Трудно выступать после вашего выступления, потому что я так и не понял, за что надо бороться, как архитектор. Понимаю, что вы к чему-то нас призывали, но я не понял, к чему. Ладно, неважно. Продолжим.

Я, например, очень серьезно отнесся к предложению Юрия Васильевича выступить на сегодняшнем мероприятии и его теме «Как осуществить пространственное развитие, чтобы видеть результат уже через пять лет». Я так буквально к этому и отнесся. Может быть, это неправильно, надо было порассуждать о чем-то. Это в моем стиле, длинные интересные доклады с цифрами. Но времени нет, поэтому я пошел вам навстречу, Юрий Васильевич. И, возможно, пойду на встречу нашей аудитории, поэтому сокращу свое выступление до минимума.

Я назвал свое выступление «Пять шагов к результату». Естественно, что я их поставил, как я считаю, по ранжиру, по важности, но я не претендую абсолютно на то, что я здесь прав, точно так же как не претендую на количество таких шагов и их названия. Вы можете придумать другие пять шагов, от этого только будет лучше, хуже от этого не будет. Но, прежде чем начать говорить об этих пяти шагах, я хотел бы еще раз все-таки вернуться к вопросу о стратегии пространственного развития и о пространственном развитии в принципе, потому что та стратегия, которая у нас сейчас есть, не о пространственном развитии. Об этом говорили Александр Сергеевич и Юрий Васильевич.

Все-таки пространство от территории серьезно отличается. Территория – это поверхность земли с границами и статусом, в то время как пространство – это территория, населенная людьми, то есть с их жизнедеятельностью. Без людей пространства не существует вообще. Говорить о пространственном развитии и одновременно говорить о том, что это пространство будет сокращаться, мне кажется, цинично. В концепции, которая призывает нас к агломеративному расселению, то есть сокращению населения на пространство, как им кажется, это значит, уничтожать это пространство. То есть это не стратегия пространственного развития.

Мы не будем ее критиковать, потому что Юрий Васильевич запретил. Я этого не делаю. Я просто говорю для сведения, даю это вам в качестве некоего результата.

Попробовал я сделать такие пять шагов к результату пространственного развития. Первый шаг – это буквально я отвечаю на вопрос коллеги из университета. Первый шаг называется «перестать врать». Это очень важный шаг, потому что у нас, как правильно здесь говорили, не хочу повторяться, ничего нельзя посчитать. У нас страна вроде, с одной стороны, уменьшается, потому что по всем цифрам у нас убыль населения больше 900 000 в год. С другой стороны, она стабильно остается на уровне 143–146 млн. Если вы попробуете посчитать малые города с большими, сравнить женщин с мужчинами, возраст жизни людей, распределенных по регионам, у вас ничего не сойдется. Естественно, с такой информационной базой заниматься проектированием страны совершенно невозможно. Поэтому первый шаг – перестать врать, начать формировать правильную базу.

Второй шаг – это я уже как архитектор-градостроитель говорю, после того как мы врать перестанем, мы начнем проектировать. И для этого нужно хотя бы за эти пять лет попробовать или спроектировать, или, может быть, начать строить, или даже запланировать строительство хотя бы одного города нового типа в России. Новый город не значит, что пришли на какое-то новое место и из нового кирпича построили новые дома. Нет. Город нового типа – это город совершенно другого типа.

Мы сейчас говорили о том, что население нашей страны убывает, в городах оно убывает тем более. Почему оно убывает в городах? Потому что суммарный коэффициент рождаемости в городах меньше 1,3%, в то время как в сельской местности он значительно выше, он не дает репродуктивности. То есть, если мы будем, условно говоря, урбанизировать страну, то есть стремиться все население или большую часть населения поместить в города, то значит, мы поставим знак равенства между урбанизацией и депопуляцией. А мы этого не хотим, поэтому нам нужны другие города. Хотя бы начать с того, Юрий Васильевич, чтобы хотя бы один город нового типа придумать, может быть, если не начать строить. Это второй шаг.

Шаг третий. О нем тоже сегодня говорили. Это изменение стандартов. Изменение стандартов качества жизни, стандартов подходов к тому, что мы делаем. Вы обсуждали, какие нужны дома, такие, сякие. Я хочу сказать как практикующий архитектор и как практик, почти 6 млн квадратных метров по моим проектам построено. Я каких только не строил микрорайонов, домов, зданий, всю палитру. Но я вам хочу сказать, что на самом деле для комфортного проживания не так много нужно параметров. Когда вам будут говорить 25 параметров комфортности, не верьте. На самом деле все очень просто.

Первое – это плотность населения на территории. Если плотность населения как сегодня почти по 400 человек на гектар, жить там некомфортно. Я построил Куркино, там на весь район 50 человек на гектар, а в жилом микрорайоне от 100 до 200. Вот это комфортно. Комфортно почему? Это же не я говорю, комфортно, просто жилье в Куркино стоит в два раза дороже, чем в Тушино. В Тушино метро, коммуникации, а там ничего этого нет, там

все на машинах ездят и жилье в два раза дороже. Почему? Потому что жить комфортнее в этом районе.

Итак, изменение стандартов качества жизни. С квартирами то же самое, нам нужно не семь метров на человека, как сейчас строится в многоквартирных домах, а нужно 35–50 квадратных метров на человека. Отсюда мы должны говорить о том, какую типологию жилья нам использовать для такого строительства, потому что нам нужны многодетные семьи, нам нужно, чтобы в семьях было больше детей. Россия должна подрастать. А в таких малогабаритных квартирах население страны уменьшается, а не увеличивается.

Поэтому, говоря про изменения стандартов, мы, конечно, должны это понимать. Это стандарты к среде, стандарты к образованию, стандарты к жилью, ко всему. Без изменения стандартов мы никуда не двинемся вперед.

Шаг четвертый. Это участие граждан в создании собственных условий жизни на своей земле. Если люди наши сами не почувствуют, что в их руках находится хотя бы какая-то толика власти для того, чтобы улучшить свою собственную жизнь за счет строительства, ничего у нас не выйдет. Мы должны придумать способ, как дать людям такую возможность. Александр Сергеевич правильно говорит, что малоэтажное строительство. В принципе люди малоэтажные дома могут строить сами.

Я специально готовился сегодня, смотрел все материалы, технологии, условия. Все может быть. Люди способны, объединяясь в небольшие группы, создавать качественное жилье. Но для этого нужно создать условия. Государство должно создать для этих людей условия, и люди поработают над этим сами. Поэтому вовлечение людей в процесс строительства страны должен осуществиться. Без этого у нас никакого пространства и развития страны не будет.

И пятый шаг. Юрий Васильевич, я лью воду на вашу мельницу. Если эти четыре шага не сработают, есть пятый шаг, перенести столицу за Урал. Почему? Потому что у нас сегодня власть является градообразующей базой городов. Люди тянутся туда, где власть. Особенно не люди, а предприниматели, бизнес, деньги – все туда. И нам государство говорит, что надо с этим, конечно, как-то, но ничего не получается. Но если не получается у власти отсечь эти потоки любящих их людей, тогда пусть власть поедет сама к людям. Может быть, даже она будет кочевать. Столица 20 лет в одном месте, 20 лет в другом. И так мы страну, может быть, и разовьем, потому что бизнес потянется к власти и ничего не надо будет делать. Власти надо будет переезжать с места на место.

Поэтому пятый шаг, столицу за Урал, Юрий Васильевич, я поддерживаю. Мне кажется, такие пять шагов, хотя я не настаиваю на том, что только эти пять шагов, вы, может быть, придумаете что-то еще, но я вам их доложил в очень короткое время.

Юрий Крупнов: Спасибо большое! Я хочу сказать, что Евгений Александрович еще мой начальник по градостроительству. Он председатель, а я рядовой сотрудник. И в этом смысле, я не могу не восхититься на самом деле блестящим предложением, вообще

пониманием, понятием нового города, который предлагает Евгений Александрович. Все очень просто. Новый город — это такое пространство для жизни, где демография позитивная. На мой взгляд, это просто доктринальное положение для нашей страны.

У меня есть текст «Пространство для русского миллиарда». Русский миллиард надо понимать не обязательно в строго численном положении. В этом смысле нам пространство нужно поставить на службу демографии.

Коллеги, передаю слово Минеджяну Антону Зареевичу, заместителю генерального директора девелоперской компании «МСК Менеджмент». Антон в последнее время, по сути, организовал очень серьезное движение в поддержку малоэтажной застройки и малоэтажных городков. Поэтому передаю слово. Очень интересные идеи.

Антон Минеджян: Здравствуйте, уважаемые коллеги. Работаю в девелопменте. Я создаю и продаю пространство, которое кто-то рисует. Потом я общаюсь с людьми, которые там живут. Очень интересные истории мы с вами обсуждаем. Сегодня чуть меньше теории, спустимся вниз. Все-таки у нас экономический форум. Тема у меня «О смене расселенческой модели и запуске производственных цепочек».

При этом мы должны с вами иметь в виду, что весь экономический форум проходит под эгидой «новый мир, новая индустриализация», о чем мы сегодня и говорим. И хотелось бы такой же вопрос поднять, который мы обсуждаем. Существует ли вообще сейчас расселенческая модель? По сути, она как-то двигается, как-то идет, но давайте обратим внимание, что вообще-то одним из пяти главных признаков государства как такового согласно теории государства и права, является территориальная организация населения. От качества территориальной организации, от уровня проработки этого признака в государстве можно говорить о самом уровне развития государства. Соответственно, государство, где не ярко выражена функция территориальной организации населения, распределение и увеличение его качества и количества, такое государство...

Мы потихонечку подходим к тому, что индивидуальный дом является эталоном жилья. Согласно статистике – она уже довольно долго идет – более 72% россиян видят в своем идеале индивидуальный дом. При этом у нас очень высокий скрытый потенциал. Живут 70% в квартире, а хотят более 72% индивидуальный дом. Очень интересно. То есть, не стоит ли нам экономику двигать за потребителем, что было бы правильно?

И если мы подходим системно к вопросу развития индивидуального жилищного строительства, комплексному развитию, то мы получим очень интересные эффекты. Один из самых главных эффектов, о котором мы говорим потихонечку здесь, и следующий выступающий поможет нам раскрыть эту тему, это существенный рост рождаемости, когда суммарный коэффициент рождаемости у нас должен превысить коэффициент естественной прибыли населения, 2,15.

Я анализировал статистику за последние 100 лет в Российской империи, в Советском Союзе, в современной России. Стабильно в индивидуальных домах, в сельских поселениях семьи

рожают от 30 до 50% больше детей, чем в квартирах. Это то, что проверено статистикой, даже не надо обсуждать. Если мы хотим что-то изменить, просто надо рожать больше. Посмотрим на государства, где много людей, Индия, Китай и Соединенные Штаты Америки. Это довольно развитые государства.

При системном подходе к развитию индивидуального жилищного строительства мы получим интересный эффект – существенное и быстрое увеличение рождаемости. Как статистические данные мы получим существенный рост обеспеченности жильем на человека, потому что средний дом – 140–150 квадратных метров на семью, если индивидуальный дом, а квартиры сейчас в районе 55 квадратных метров. В три раза разница. Мы получим существенное повышение комфорта россиян. И дальше очень внимательная вещь для власти, мы получим снижение социальной напряженности и увеличение лояльности. То есть людям будет спокойнее, им будет лучше житься. Это самое главное, что нужно власти. И мы придем к кардинальной перестройке экономики, мы подойдем к тому, что нам необходимо для этого рывка, созданию новой экономической политики.

Основным направлением будет конвейерное производство, строительство индивидуальных домов и комплексное развитие территорий. Мы должны заложить основы, заложить стандарты и прописать их. Их нет в принципе. Как учитывать климатические, культурные, социально-экономические особенности конкретных регионов. Если двигаться к экономической составляющей, то совершенно точно, взяв на флаг развитие индивидуального жилищного строительства, комплексной застройки, изменение градостроительной политики, жилищной политики, мы получим то, что у нас сразу несколько больших сегментов экономики будут затронуты. То есть это инженерное обеспечение жилья, это тепло, вода, водоотведение, это создание мест приложения труда, это образование, медицина, благоустройство, спорт, рекреации и т. д.

В связи с этим – мы уже говорили о генеральной схеме размещения и развития производственных сил – оно невозможно без генеральной схемы расселения. Это как два пальца одной руки, их невозможно разорвать, потому что у нас комплексное влияние на сразу несколько секторов экономики, и придется формировать межрегиональные программы развития с учетом специфики экономики регионов, банковской сферы этих регионов, национальных особенностей, климатических, транспортных, демографических. И, конечно же, здесь придется нам с вами очень серьезно провести для начала сбор данных и произвести научные выкладки.

Первое, с чего мы должны начинать, это уже было озвучено, мы просто должны консолидировать и актуализировать все базы данных. Их, по сути, нет. Они должны быть собраны и по поводу состояния плодородия почвы, и лесного хозяйства, и особенно климатические данные, инженерно-технического обеспечения и т. д. Это очень большая работа, которую за пять лет начать бы. Хотя на самом деле данные есть, их надо связать, но без этого, как уже правильно отметили, невозможно дальше двигаться.

Другими направлениями деятельности у нас является создание рабочих мест, большая работа по транспорту, потому что здесь надо выстраивать межрегиональные схемы, по инженерному обеспечению, по банковской сфере, по потребительской кооперации, по новой структуре государственно-частного партнерства, когда мы могли бы через функцию сначала создания государственных предприятий, потом через акционирование при определенных условиях создавать очень интересную среду для частного бизнеса.

Обязательно необходимо думать о тех вычислительных мощностях, которые нам нужны, увеличении распределения центров обработки данных. Должна быть поднята на новый уровень межрегиональная миграция. И, конечно же, поддержка локальных предпринимательских сообществ.

При этом, что конкретно мы можем сделать? Про что мы говорим? Какие примеры перспективных производств могут быть сейчас реализованы, которые не потребуют существенных капитальных вложений, длинных производственных цепочек, которые можно быстро развивать в любом регионе и где есть локальный рынок сбыта? Как уже понятно, это производство строительных материалов с учетом локальной сырьевой базы. Где-то дерево, где-то камень, где-то комбинация. И заводы по производству домокомплектов и элементов для зданий. Это и prefab-модули, и SIP-технологии, и ЖБИ-изделия, и строительные трехмерные принтеры, и т. д. И обязательно транспорт. Производство электромобилей, как ни странно, сейчас является довольно простым и быстро развертываемым. Это не двигатель внутреннего сгорания. Намного проще создавать электромобиль.

Еще одно из направлений бизнеса, которое может себе средний и малый бизнес взять – это инженерное обеспечение, производство того, что нужно. Производство тепловых комплексов и топлива к ним, про пеллеты уже говорили и т. д. И все, что связано с водоснабжением, водоотведением. Безусловно, продукты питания, и самое главное здесь – это локализация переработки и консервирования. Развитие туристической и рекреационной структуры – это нормальная история.

Что нужно для всего этого? Нужно, во-первых, создание систем налоговых льгот. Отдельно можно ознакомиться с этим, очень интересные предложения. Нужно создание координационных центров по межрегиональному развитию на основе федеральных округов. То есть нам надо укрупняться и межрегиональные связи выстраивать. Это создание локальных институциональных банков, которые будут решать задачу в конкретном регионе по развитию конкретного вида промышленности и его финансирования. Только так, с возможностью не менее 80% оборота такого банка использовать только на эти уставные цели.

Еще один из элементов – это стимулирование малого предпринимательства, в том числе кроме программ консультационных и обучающих, которые сейчас более-менее нарабатываются, это создание центров сбыта, сбытовой продукции, как и куда реализовывать малому и среднему предпринимательству свои товары. Внедрение

системы твердых государственных пятилетних контрактов, когда у малого бизнеса покупаются те товары, которые производятся. И самое главное – это синхронизация генеральных планов субъектов федераций на уровне генеральной схемы расселения, генеральной схемы размещения и развития производственных сил.

О чем речь? Какие цели стоят перед нами при новой расселенческой модели, которая должна быть на срок не менее 50 лет, не менее двух поколений? Это, во-первых, увеличение естественного прироста населения, потому что ради людей мы здесь живем. Это стратегическая безопасность, то есть уход от гипер-концентрации населения при массированных атаках. И самое главное – это диверсификация, расширение внутренних экономических связей и запуск производственных цепочек. Спасибо большое!

Юрий Крупнов: Спасибо большое! Загоруйко Александр Евгеньевич, эксперт Комитета «Территориального управления и градостроительства» ГИС-Ассоциации

Александр Загоруйко: Коллеги, здравствуйте! Спасибо организаторам за приглашение на Московский экономический форум. Так как мой краткий доклад завершающий, то я поддержу фактически все высказанные тезисы, а также выскажу некоторые идеи, которые у меня накопились в моей профессиональной работе. Я работал в федеральных органах власти в свое время, в управлении градостроительства Госстроя, в региональных органах власти, занимался долгий период времени информатизацией градостроительства и системным осмыслением процессов, также занимался административной реформой и т. д.

Итак, первый вопрос по срокам. Название круглого стола про пять лет. Можно ли что-то сделать в градостроительстве за пять лет быстро? Конечно, да. Но большая территория требует большего времени. То есть мы живем в пространственном континууме, это единое понятие, мы живем на громадной территории. И на этой громадной территории что-то делать быстро – это не совсем правильно. Поэтому поддерживаю тезис, что за пять лет мы должны переосмыслить что-то и на 50 лет планировать. Про то, как именно за пять лет что-то сделать, скажу чуть дальше.

Про стратегию. В Российской Федерации принят Федеральный закон «О стратегическом планировании». Но мы там видим, что долгосрочные планы – это семь лет. Это очень мало. Любая стратегия – это всегда минимум 25 лет. Все, что меньше 25 лет – это тактика. Тут идет жонглирование понятиями. Нужно всегда понимать, что мы должны работать как минимум одно поколение.

К сожалению, в процессе прошедших 30 лет максимальные планы у нас были 15 лет, потому что дальше не видно рынка нефти и газа. То есть государство не занималось именно социальной сферой, и мы видим негативные последствия. Но чтобы в демографии навести порядок, нужно минимум 25 лет – прогноз, план, и 50 лет – это все, что связано с инфраструктурой, потому что средний срок жизни любого элемента инфраструктуры 50 лет. А лучше и больше – 100 лет. Но 50 – это минимум для прогноза, 25 лет – это минимум для активного планирования.

Мы с вами находимся в рамках экономического форума. Сейчас в рамках поручения Путина необходимо отказываться от иностранных терминов. Но я бы предложил еще отказываться от иностранных смыслов, потому что мы под экономику подтянули деньги, а на самом деле экономика – это домохозяйство. То есть этот круглый стол самый близкий к теме экономики, потому что мы обсуждаем дома, территорию и то, как этим управлять. Это на самом деле здесь происходит экономика, у архитекторов и территориальных планировщиков, поэтому предлагаю всем экономистам как можно больше обратить внимание именно на территориальных планировщиков и вместе с ними возрождать нашу страну.

Две русские беды, если говорить аккуратно, менеджмент и инфраструктура, имеют единый корень – это отсутствие долгосрочного планирования, потому что отсутствие плана приводит к тому, что у нас инфраструктура не делается на 50 лет, а делается ямочный ремонт дороги на три года. И все тактические действия всегда ущербны в стратегической перспективе, отсюда такая проблема.

Сейчас идет переосмысление, что такое финансовые инструменты, что такое деньги и т. д., ищутся новые инструменты на замену денег. Мы живем в эпоху так называемых фиатных денег. Фиатные деньги – это нечто виртуальное, но если разобраться в идеологии денег, то деньги – это обещание, обязательство, как старое русское купеческое слово, надо верить на слово. То есть деньги – это обещание.

И я поддерживаю одного из предыдущих спикеров, что нужно больше правды, то есть нужно правильно обещать. И здесь, конечно, важны политические обязательства и их поддержка. Здесь как раз можно призвать депутатов, мэров и т. д., включать в свои предвыборные программы генеральные планы территорий. И как только они включают генеральный план территории как часть предвыборной программы, их соответствующая территория выберет, этот генплан станет обязательным для исполнения и за пять лет сработает. Тут как раз мы приближаемся к цели нашего круглого стола.

Теперь идеологический немножко момент. Мы пережили в 1990-е годы резкий переход от директивного...

Юрий Крупнов: Александр Евгеньевич, полминуты.

Александр Загоруйко: Тогда по переходу, нужно развивать институт госплана, он должен быть в четыре раза сложнее. Необходимо переформировать градостроительное законодательство, полностью переосмыслить многие моменты. Сейчас не буду об этом подробно.

Хотелось отметить, так как мы на экономическом форуме, что за последний период у нас квадратные метры жилья превратились в ценные бумаги и они решают задачу сохранения капитала, а должна решаться задача сохранения народонаселения. И обратить внимание на цель Конституции, что высшая цель государства – это человек, права и свободы. А мы

живем, к сожалению, по гражданскому кодексу, где высшая цель – это получение прибыли. И тут надо все поставить на свои места.

Юрий Крупнов: Спасибо большое! Уважаемые коллеги, наше время уже вышло. По сути, мы объявили штаб разработки новой версии стратегии пространственного развития. Пожалуйста, любые материалы, идеи... Будем отдельные семинары проводить, где подробно будем обсуждать все проблемы. Пожалуйста, все мы открыты для общения. Спасибо огромное всем за работу!

Кто хочет участвовать, запишитесь, подойдите. Присылайте ваши координаты и предложения. Спасибо!